

повседневные обязанности – очень разные по степени научной значимости. Иными словами, каждый рисует свою особую картинку бытия опытного учреждения в определенном временном интервале; все вместе

они складываются в выразительную панораму жизни Ульяновского научно-исследовательского института сельского хозяйства на протяжении многих десятилетий.

О. Ю. Елина

Онопrienко В. И. Наука как призвание. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2011. 411 с.

В прошедшие два-три десятилетия отношение к науке вообще и со стороны СМИ в частности сильно изменилось. При советской власти ученые очень многое определяли в жизни страны, вызывали уважение. Вспомним достижения в атомной энергетике, в космонавтике. Как славил тогда ученых-физиков. А сегодня такого не услышишь. Единственная значимая научно-популярная передача на центральном телевидении, которую долгие годы создавал С. П. Капица, прекратила свое существование с уходом ее создателя. О современном положении интеллигенции в обществе как-то очень точно сказал режиссер С. В. Урсуляк: «Интеллигенция является самой невостребованной частью общества [...] хотя продолжает оставаться совестью нации [...] Совесть – она сегодня как аппендикс, если не болит – пусть будет, заболел – нужно вырезать». Возможно, именно из-за этого я прочитала книгу В. И. Оноприенко с особыми удовольствием и гордостью. Он пишет об энтузиастах науки, посвятивших жизнь научным исследованиям, поискам нового.

Сам Валентин Иванович – геолог по образованию. По окончании геологического факультета МГУ он много занимался научными исследованиями: участвовал в экспедициях в Карелии, Сибири, на Дальнем Вос-

токе. Однако с годами его интересы поменялись – сначала философия, потом история науки и науковедение. В серии «Научно-биографическая литература» Оноприенко опубликовал более десяти книг об известных ученых нашей страны. Настоящая книга «Наука как призвание» составлена в форме беседы с заслуженными российскими и украинскими учеными, ведущими исследования в разных областях науки: геологами, физиками, биологами, философами. Чаще всего автор обращается к историкам науки, социологам, в основном к тем, с которыми знаком, за работами которых постоянно следит. Каждому из них были заданы вопросы о том, как он (она) пришел в науку, кто (или что) повлиял на такое решение, какие из первых исследований позволили обрести уверенность в правильности выбранного пути, какие наиболее важные результаты были получены. Вопросы касались учеников, публикаций, выступлений на отечественных и международных форумах, роли и влияния общественно-научной и административной деятельности на основную научную работу.

Интервьюируемые по-разному отвечали на эти вопросы: кратко и более подробно, добавляя неожиданные факты, встречающиеся в ходе работы, высказывая самостоятельные

точки зрения на ряд аспектов своей деятельности. Академик Б. С. Соколов замечательно и совершенно правильно определил отличие рабочего дня любого специалиста от рабочего дня исследователя-ученого. Для ученого вообще нет такого понятия. «Ум исследователя не может освободиться от своей ищущей мысли, она оказывается неотступной с ним и на прогулке, и на симфоническом концерте, и за праздничным столом с друзьями. Более того – озарение может прийти именно в этой, казалось бы, случайной обстановке». Это совпадает с представлением академика А. П. Виноградова, который создал специальный «кодекс» видения профессионального ученого. Вот что вспоминает доктор геолого-минералогических наук В. П. Волков, лично знакомый с директором ГЕОХИ в 1950-е гг.: «Один из выпускников академика на основе “кодекса” сформулировал афоризм: “Рабочий день ученого – это вся его жизнь”». Такое определение совершенно точно – от своей работы, исследований не удается отключиться никогда, об этом думаешь в поездке, на отдыхе, даже выйдя на пенсию, занимаясь обобщением ранее полученных результатов и написанием книг.

На вопрос Оноприенко: «Когда обнаружили у вас исследовательские склонности: в школе, в институте?» ученые, отвечая, вспоминали свои юные годы. Одни обнаружили интерес к исследованиям довольно рано, в основном те, кто воспитывался в семье научных сотрудников, наблюдал за родителями и их друзьями. Академик НАН Украины П. Г. Костюк рос в семье известного ученого-психолога, член-корреспондент АН Узбекской ССР Г. П. Матвиевская – в семье профессора-историка. Правда,

они выбрали отличные от родителей области исследований. На выбор профессии экономиста И. Г. Дежиной повлиял совет отца, который сумел предвидеть, что именно экономика окажется востребованной. Еще в школьные годы проявились исследовательские способности у академика РАН Б. С. Соколова и академика НАН Украины В. П. Кухаря, у профессора Э. И. Колчинского. Свой выбор «идти в науку» под влиянием выдающихся педагогов сделали физик О. Г. Сарбей, историк Г. В. Касьянов.

Профессор И. И. Мочалов очень романтично проводит линию увлечения философией от стихов А. С. Пушкина, критических статей о нем В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова к философии Гегеля. Именно этот путь привел Инара Ивановича на философский факультет МГУ. Физик по образованию Е. З. Мирская пришла к науковедению довольно поздно. После окончания университета Елена Зиновьевна 10 лет занималась изучением свойств сегнетоэлектриков на физическом факультете. Наконец, при поступлении в аспирантуру, работая над рефератом о научной революции в физике в конце XIX – начале XX в., увлеклась философией. Вот такие разные пути привели ученых к занятию наукой.

У истинного ученого развито стремление к самостоятельной работе, поискам новых направлений исследований. Много таких примеров мы находим в обсуждаемой книге. Со школьных лет увлекался физикой О. Г. Сарбей, он окончил физический факультет Ростовского государственного университета. Им достигнуты большие успехи в изучении свойств полупроводниковых кристаллов в электрических и магнитных полях и в области низких температур. По

этой теме установилось тесное сотрудничество с учеными Академии наук ГДР, что существенно обогатило исследования. Профессором Сарбем было открыто новое явление – многозначная анизотропия электропроводности – зарегистрированное Государственным комитетом СССР. Глубокие знания физики, которые позволяют ученому уверенно ориентироваться в ее различных областях, также способствовали организации физического семинара, известного во многих центрах Украины и названного его участником сарбеевским. Физики разных городов посещают этот семинар, выступают с интересными докладами. Олег Георгиевич всегда выбирает наиболее важную, актуальную и своевременную тематику для обсуждения на семинаре.

Высоких постов в Академии наук достиг геолог, палеонтолог академик РАН Борис Сергеевич Соколов. А начиналось все с мечты поступить в Ленинградский государственный университет, где уже после первых студенческих практик по геологии, гидрогеологии, биогеологии проявилось стремление самостоятельно наметить программу научных работ. Свои новые открытия и достижения по стратиграфии и палеонтологии Соколов начал публиковать с конца 1930-х гг. (статья в «Докладах АН СССР» вышла из печати в 1939 г.). При организации в 1958 г. Сибирского отделения АН СССР уже члену-корреспонденту Соколову предложили возглавить новый центр стратиграфо-палеонтологических исследований в Институте геологии и геофизики СО АН СССР. В Сибири им был создан новый крупный Отдел палеонтологии и стратиграфии с несколькими лабораториями, подготовлены квалифицированные

специалисты, разработана система исследований – фактически была создана научная школа. В 1975 г. Соколов был назначен академиком-секретарем Отделения наук о Земле АН СССР, с 1990 г. – советником Президиума АН СССР. Однако несмотря на важную административную работу академик Соколов никогда не оставлял своих научных исследований, продолжая публиковать научные статьи и доклады в «Вестнике Академии наук», «Известиях АН СССР. Серия геологическая». Академик неоднократно высказывал также свое мнение о состоянии науки в настоящее время.

Необычно сложилась научная судьба математика Галины Павловны Матвиевской. В Ленинграде, куда она приехала поступать в университет, все складывалось удачно. На факультете тогда преподавали известные математики Г. М. Фихтенгольц, В. И. Смирнов, Д. К. Фадеев и др. По окончании ЛГУ Смирнов предложил Матвиевской как специалисту по теории чисел заняться изучением научного наследия великого Эйлера. Это было увлекательно, хотя и сложно (пришлось выучить латинский язык). По этой тематике Галина Павловна защитила диссертацию в ИИЕТ АН СССР, где ее работу обсуждали В. П. Зубов, А. Т. Григорьян и А. П. Юшкевич, и продолжала с энтузиазмом свои исследования. Но в 1959 г. пришлось переехать в Ташкент на родину мужа К. Р. Рахимова, который в Ленинграде (там они познакомились) учился в аспирантуре и защитил диссертацию, а после этого должен был вернуться в Ташкент. Этот второй этап научной деятельности был еще более удачным: здесь Матвиевская начала изучать средневековую математику Востока, творчество выдающихся ученых ал-Хорезми, Ибн Сины, Улугбека и

др. вначале по опубликованным источникам. Однако Галина Павловна приступила к изучению арабского языка и обратилась к арабским и персидским рукописям, делала переводы средневековых трактатов и публиковала их. В 1968 г. она защитила докторскую диссертацию «Учение о числе в Средние века», участвовала в издании шести научных сборников, трактатов, руководила аспирантами и т.д. 40 лет проработала Матвиевская в Ташкенте, удостоилась звания члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР, лауреата Государственной премии Узбекской ССР. В 1993 г. она была избрана действительным членом Международной академии истории науки. Третий этап – в Оренбурге Матвиевская занялась краеведением. Получилось в соответствии с «кодексом» академика Виноградова, который считал, что «в идеале, ученый за жизнь должен сменить три профессии».

Очень важными пионерскими работами руководит академик НАН и АМН Украины Платон Григорьевич Костюк. В Институте физиологии им. А. А. Богомольца создан электрофизиологический комплекс, который используется для исследования нервных клеток организмов не только в нашей стране, но и экспортировался в зарубежные институты. Костюк докладывал об этих работах на Международном конгрессе в Буэнос-Айресе. Доклад вызвал большой интерес, в том числе у лауреата Нобелевской премии Дж. Экклса, и по его приглашению Костюк некоторое время проработал в Австралии. В дальнейшем, развивая это направление, а также работы по молекулярной биологии и клеточной биофизике, ученый пришел к пониманию физического механизма функционирования орга-

низма – что очень важно для медицины. За эти работы он был удостоен Государственной премии СССР и Государственных премий Украины.

В конце 1950-х гг. в СССР стала распространяться информация о кибернетике, но в нашей официальной прессе ее критиковали, называли «буржуазной лженаукой». Мне запомнился доклад о кибернетике в Институте философии АН СССР (слушала, будучи аспиранткой). Именно в это время увлекся кибернетикой Александр Васильевич Палагин, на нее еще продолжалось гонение. Потом все изменилось, и ученый стал участником создания первых электронно-вычислительных машин. Александр Васильевич увлеченно поведал в книге, как под руководством академика В. М. Глушкова разрасталось и укрупнялось новое перспективное научное направление, как совершенствовались ЭВМ, как создавались и усложнялись системы управления и т. д. Палагин высоко оценивает роль Глушкова в становлении кибернетики. Руководитель исследований умел вдохновить и блестяще увлечь коллектив работников, создать «многоликую творческую личность» для решения конкретных сложных проблем. Усовершенствованию ЭВМ существенно способствовало сотрудничество с ленинградской фирмой «Светлана», в процессе которого происходило взаимное обогащение сторон. В обсуждении результатов и постановке новых задач наряду с непосредственными исследователями активно участвовал и сам Глушков. Благодарно отзывается Палагин и о деятельности своего учителя Б. Н. Малиновского, участника войны, описанной им в книге «Путь солдата», талантливого и целеустремленного руководителя «пионерских разработок». Среди

них управляющие машины широко-го назначения «Днепр», создание и внедрение компьютеров и др. Теплые слова в адрес Бориса Николаевича и «корифеев компьютерной науки» З. Л. Рабиновича, Л. Гасанова и других, отлично характеризуют самого Палагина, верного выбранной науке. О своих достижениях академик НАН Украины Палагин в статье не упоминает. Однако известно о его разработках теоретических и практических основ создания микропроцессоров и микроЭВМ, а позднее интеллектуальных информационных систем, компьютерных систем и др. Лауреат Государственной премии УССР Палагин возглавляет Совет по автоматизации научных исследований. В заключение академик с грустью отмечает, что возвышение такой важной области науки заканчивается, и она не востребована в настоящее время.

Озабоченность сквозит в статье члена-корреспондента РАН Юревича Андрея Владиславовича. В год окончания им психологического факультета МГУ (1979) наука находилась на подъеме. Она была популярна, благосостояние общества зависело от прогресса науки. Между тем достижения в атомной промышленности, возможности клонирования и некоторые другие результаты поставили важную проблему – вопросы этики науки. Ученые (например, академик А. Д. Сахаров) не могли оставаться в стороне. С начала 1990-х гг. российское общество все сильнее характеризуется разрушением морали. Тревожную статистику негативных событий социологи связывают с «испарением морали». Юревич приводит много примеров таких состояний в обществе, подчеркивая своеобразную «престижность науки». «Не быть ученым,

но считаться им – довольно распространенная сегодня практика». При этом очевидно, что «наука – лучшее, что у нас было и есть», поэтому-то «к ней кто только не примазывается». Оценивая роль психологии научного творчества в настоящее время, Юревич подчеркивает различие между теоретической психологией научного творчества и практикой психологов. Последние часто используют ненаучные методы.

Мне хочется специально выделить статью «История и поэзия». В мире известны случаи, когда ученые успешны как в науке, так и в поэзии, но это встречается нечасто. В качестве примера – Омар Хайям, поэт и ученый. Историк Я. Г. Ракитянский после многолетнего служения в Институте марксизма-ленинизма перешел в журнал «Вестник РАН». На основе исследований по истории науки им опубликовано большое число статей и книги о выдающихся ученых Д. Б. Рязанове, Н. И. Вавилове, Н. В. Тимофееве-Ресовском. Однако с юных лет Яков Григорьевич увлекался поэзией (им опубликовано 10 книг стихов). На его первые стихи написал рецензию академик А. Л. Яншин. Ракитянский, объясняя свое увлечение, особенно переход к написанию двустиший (опубликовано три книги двустиший), считает, что поэтический стиль определяется интеллектуальностью. Именно отсюда связь науки и поэзии. Вот несколько двустиший Якова Григорьевича о науке:

Когда властям наука не нужна,
Беднеет и слабеет вся страна.

Ждет истина за поворотом,
Ее найдет когда-то, кто-то.

Все статьи в книге «Наука как призвание», написанные разными

учеными и направляемые вопросами В. И. Оноприенко, очень интересны, местами просто увлекательны, характеризуют важные аспекты науки. Чувствуется, что все ученые не только погружены в свои исследования, но и верят в дальнейшее процветание всех направлений научного знания, болезненно воспринимают и огорчаются, когда происходит торможение в

ее развитии. Хорошо дополняет книгу фотогалерея. Особенно интересна серия фотографий, отображающая взросление Э. И. Колчинского. Общий позитивный настрой книги скрашивает неприглядную реальность, в которой она написана и о которой часто говорят ее герои.

Е. И. Баюк

Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2011. 568 с.

Основными источниками материалов, касающихся развития биологии, а также жизненного и творческого пути ее лидеров, до сих пор являются много томная энциклопедия Ф. А. Брокгаузена и И. А. Ефрона, изданная на рубеже XIX и XX вв., а также «Большая советская (российская) энциклопедия». Однако в таких универсальных изданиях зачастую отсутствуют материалы о развитии отдельных наук и деятельности научно-исследовательских организаций, которые имели общегосударственное значение. Более того, сведения о ведущих деятелях биологии в течение длительного времени (30–80-е гг. XX в.) носили весьма неполный, а во многих случаях предвзятый характер. Сложившееся положение было обусловлено сложной судьбой биологии, развитие которой до последнего десятилетия минувшего века контролировалось советским партийно-правительственным аппаратом. В конце прошлого века после раскрытия архивов стал реальным доступ к большому массиву ранее недоступных документов, эпистолярному наследию ряда ученых, имена которых были вычеркнуты из истории биологии. Изучение этих материалов позволяет провести

историко-научный анализ фактов и событий прошедших лет с новых позиций и понять перипетии жизни и творческой судьбы многих известных биологов.

Особый интерес представляют сведения об ученых Санкт-Петербурга – Ленинграда, города, в котором зарождались и развивались многие отрасли биологического знания и разрабатывалась организационная структура научных исследований. В отечественной справочной литературе, касающейся развития биологии в Петербурге в XIX в., определенной известностью пользовались справочное пособие А. П. Богданова «Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с ней отраслям знания» (М., 1888–1892.), теперь уже ставшее библиографической редкостью, а также книга В. И. Липского «Императорский Санкт-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования» (СПб., 1913–1915).

В предлагаемом читателю энциклопедическом словаре авторам удалось впервые раскрыть специфику генезиса биологии в Санкт-Петербурге – Ленинграде и выявить пути